
Пышная неприятность для дракона
А деверя в свинарник!
Лоес Моррен

Лоес Моррен

Пышная неприятность для дракона. А деверя в свинарник!

https://litres.ru/74906529
SelfPub; 2026

Аннотация

Пшеницу я вырастила, капусту заквасила, мужа-дракона от плуга отстегнула. Думала, к зиме останется только починить камин. Однако, мой ненаглядный муженёк не оставил попыток увезти меня обратно и подключил тяжёлую артиллерию - своего брата-нарцисса, который предложил купить имение, доставшееся мне в наследство.

Тирион с порога нашёл сквозняк, за ужином - недосол, а наутро - целую кучу способов вести хозяйство лучше меня. Что ж, у меня как раз были грязная посуда, лопата и свинарник. Грех было держать такого знатока без дела.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 20
Глава 3 35
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Лоес Моррен
Пышная неприятность для дракона. А деверя в свинарник!

Глава 1

Первый мешок картошки из дальней полосы я приняла у Егора с таким почтением, будто в нём привезли приданое давно засидевшейся принцессы. Второй пришлось поставить на собственную ногу, и приданое сразу потеряло половину очарования. Пока я вытаскивала сапог из-под мешка, Барон сунул клюв в горловину и попытался обложить урожай пошлиной.

— От него хоть какая-нибудь польза на весах есть? — спросил Егор, придерживая мешок. — Могу поставить его на другую чашу, он как раз столько весит, сколько выторговал за лето у кухни. Если ещё немного покормить, выйдет отличная гиря с дурным характером.

Я прогнала гуся от весов и велела Егору развязать мешок. Картошка с дальней полосы вышла на удивление ровная, а мелкую мы договорились ссыпать в отдельную корзину для

кухни. Мне особенно понравилась одна толстая картофелина с двумя круглыми отростками, но Дарья, заглянув мне через плечо, сказала, что такую следовало бы сперва одеть, а потом уже выносить на рынок.

— Поставим её на почётное место, — решила я и отложила красавицу на подоконник. — Будет у нас покровительница урожая, сразу видно, что земля плодородная. Только завесь чем-нибудь, а то Савва увидит и попросит снять мерку для кузнечной работы.

Дарья ушла за ключом от сарая, а я поднялась по тропинке посмотреть пшеницу, пока Егор возился со вторым возом. На верхней полосе ветер гнал по колосьям светлые волны, и я всё ещё удивлялась, что могу прийти сюда просто сорвать колос, не спрашивая ничьего дозволения. Я растёрла зёрна на ладони, попробовала одно на зуб и подумала, что с жатвой уже незачем тянуть.

У дорожки меня перехватил Рейнар с двумя пустыми корзинами и стеблем мяты за ухом. Он носил его с утра, потому что Дарья посоветовала прицепить что-нибудь душистое после возни с навозом, а муж истолковал совет как требование к праздничному наряду. Я забрала у него корзины, поправила мяту и отправила к капусте с просьбой резать только те кочаны, которые Дарья уже отметила.

— В прошлый раз ты сказала выбирать покрупнее, — напомнил он, покосившись на грядки. — Я выбрал, и всё равно мне пришлось полчаса слушать, что нельзя мерить хозяйство

собственным аппетитом. Показывай отметки, Марта, я сегодня намерен хотя бы до обеда побыть образцовым мужем.

Капуста, в отличие от мужа, стояла крепко и не требовала похвалы через каждые три шага. Мы с Дарьей прошли вдоль рядов и решили заквасить две бочки для дома, а третью оставить под заказ, если мельничиха привезёт свою тару. Рейнар услышал про третью бочку и спросил, не могла ли капуста найти себе покупателя до того, как её начнут подавать ему на завтрак.

Ему ответила сама мельничиха, подъехавшая к полю как раз к нашему спору. Она сказала, что в городе за хорошую квашеную капусту платили прилично и что к ней стоило прибавить картошку, а при удачной жатве и несколько мешков зерна. Пока мы шли к двору, она назвала мне три торговых дня зимой, к которым ей нужен был товар в городе.

— Капусту я вам и завтра найду, а вот с зимой надо сперва поговорить, — сказала я, придерживая ей калитку. — Зерно и картошка требуют разных углов, и я пока не решила, куда убирать всё то, чем не собираюсь кормить мужа в ближайший четверг. Дайте мне неделю, я проверю запасы и скажу, сколько возов смогу отправить.

Мельничиха согласилась и попросила привезти первую пробную партию поменьше, когда мы оба конца дела соберём воедино. Она записала числа у меня за столом, сунула карандаш за ухо и уехала, прихватив корзинку мелкой картошки для варки. Я осталась с её листком, двумя уже пол-

ными сараями и неприятным подозрением, что третий сарай из воздуха у меня не выйдет даже при содействии дракона.

Егор пришёл спросить, куда складывать последние мешки до вечера, и я показала ему запись мельничихи. Он прикинул, сколько места съедали пустые бочки и ящики, после чего напомнил про графскую кладовую в старом крыле. Ключ от неё давно висел у меня на связке, и я отправилась за ним с мыслью, что решать задачу стоило с простого измерения двери.

Старый коридор начинался за дверью, которую я обходила всё лето с безупречной хозяйственной последовательностью. Сперва у меня протекала крыша, затем я искала человека на жерди и доски, а когда про крышу можно было забыть, у меня нашлось ещё полсотни предлогов не спускаться туда с лампой. Теперь за моей спиной стоял Егор с пустым ящиком и ждал, пока я вспомню, какой ключ открывал замок покойного графа.

Я испытала три, прежде чем в скважине что-то стронулось и ключ пошёл. Из щели пахнуло штукатуркой и старым деревом, поэтому я открыла пошире и дала воздуху поработать вместо нас. Егор успел поставить ящик у нижней ступени и убедился, что пустой он проходил, а вот тащить полный с одной рукой на перилах вышло бы затруднительно.

— Если мерить по бочке, я могу её прикатить, — предложил он. — Только полную вниз пока не покачу, там у ступеней поворот и у меня одна поясница. Господин Рейнар как

раз во дворе, у него таких поясниц по виду штуки три.

Я отправила Егора досыпать картошку под навесом, а сама позвала мужа на помощь. Рейнар явился с мотком бечёвки, которую снял с рукояти корзины, и спросил, какую мебель я задумала протащить через это горлышко. Пришлось объяснить, что сперва надо измерить дверной проём, а потом уже выбирать тару, чтобы не заносить каждую капусту в обнимку по отдельности.

На первых ступенях он спорил, влезла ли бы сюда бочка из-под его любимого вина, и довольно убедительно доказывал, что опыт имел смысл только с полной. Я подала ему конец бечёвки и приподняла лампу, чтобы он мог приложить мерку к косяку. У нижней двери мешал старый железный засов, выдвинутый на ладонь прямо поперёк проёма.

— Приподними чуть выше, — попросил Рейнар, дотянувшись до железа. — Тут, если повернуть и надавить, оно должно было уйти в паз. Погоди, сейчас я его…

Железо скребнуло о камень так протяжно, что я сама вздрогнула. Рейнар бросил засов, отступил на ступень и прижал локоть к боку, будто о что-то ударился. Я подняла лампу выше и увидела, что он смотрел сквозь меня на тёмный поворот, туда, где каменные ступени спускались ещё ниже.

Я помнила этот поворот и знала, что было за ним. Однажды я шла туда с едой и боялась, что граф услышит мои шаги, а Рейнар сидел по ту сторону решётки и не мог услышать ничего другого. Теперь ключи были у меня, муж стоял ря-

дом, и всё же на миг я снова поймала себя на том, что поднимала лампу, заслоняя огонь ладонью.

— Давай наверх, Марта, — сказал он, наконец посмотрев на меня. — В моём имении хватит места и для бочек, и для зерна, и для тебя со всеми твоими книгами. Мы могли бы переждать зиму там, а весной ты снова откроешь этот проход, если тебе по-прежнему понадобится кладовая.

Я убрала лампу подальше от стены и спросила, давно ли он собирался предложить мне зимовку. Рейнар намотал бечёвку на пальцы, заметил, что она врезалась ему в кожу, и медленно размотал. Он ответил, что мысль пришла только сейчас и что для нормального человека иметь готовую кладовую обычно было удобнее, чем спорить с камнем.

— Тебе руку показать надо? — спросила я и протянула свою ладонь. — Ты отскочил так, будто засов тебя ужалил. Мерку я могла снять и сверху, поворачивать его было совершенно незачем.

Рейнар дал мне осмотреть пальцы, хотя на них остались только светлые полосы от бечёвки. Потом сам протянул моток поперёк верхней двери, и я завязала узел на ширине, которую нам нужно было проверить у бочек. Поворачивать засов мы больше не стали, а дальнейший осмотр я отложила, пока в проходе не просохнет и Тимофей не сможет спуститься с нами.

Наверху Рейнар широко распахнул наружную дверь, задержался на пороге и с неожиданным интересом спросил,

чем пахнет от кухни. Я ответила, что жарким, и забрала у него измеренную бечёвку, которую он всё ещё держал поперёк груди. О зиме нам предстояло поговорить при свете и за столом, где у каждого было место для локтей и никто не стоял на лестнице спиной к тёмному коридору.

Дарья подала жаркое в глиняной миске, которую Рейнар мог обхватить ладонями и в человеческом обличье. К жаркому полагалась картошка с укропом, и я с подозрением посмотрела на две половинки особенно удачной формы. Дарья заметила мой взгляд, покачала головой и сказала, что покровительница урожая всё ещё стояла на подоконнике и ждала приличных штанов.

Рейнар дотянулся до хлеба, отломил горбушку и некоторое время ел так тихо, что я начала слышать Барона на другом конце двора. Я решила дать мужу возможность первым сказать, о чём он думал, и положила себе ещё картошки. Горбушка закончилась, за ней исчезла ложка подливы, и наконец он спросил, сколько стоило привезти оттуда сюда человека на одну зиму.

— Откуда и какого человека? — уточнила я. — Если ты собираешься переманить печника, это хорошие новости, только сначала спроси, умеет ли он класть дымоход. У нас в гостевой огонь и без того иногда ищет выход через лицо того, кто его развёл.

Муж положил ложку и сказал, что говорил о моём переезде в старое имение. Там были сухие склады, в спальне мож-

но было спать с открытой форточкой даже в мороз, а в амбаре он помещался целиком и никому не надо было обходить хвост. Последнее он произнёс с особым чувством, словно мы с хвостом несколько месяцев нарочно не давали ему устроиться поудобнее.

— За твой тёплый зад я, конечно, рада, — сказала я и подцепила картофелину вилкой. — Человек, у которого зад в тепле, реже рвётся доказать, что ему всюду сквозит. Но право решать, где мне зимовать, к нему в приданое не прилагалось.

Рейнар отодвинул кувшин и напомнил, что не один его зад участвовал в брачной церемонии. Я сказала, что в таком случае и голосов у него было ровно по числу мужчин, а не по числу достоинств, выложенных в предъявленной описи. Он хмыкнул, но вместо очередной шутки взял мою руку и спросил, так ли уж мне необходимо было прожить здесь именно первую зиму.

Я высвободила пальцы только затем, чтобы показать на окно, из которого ещё виднелся свет в сарае. Егор с Нюрой перебирали там мешки, а Дарья утром собиралась поставить опару и позвать соседку на помощь с капустой. Люди рассчитывали на зимнюю работу, и я не знала, как объявить им, что до весны мы все передумали, чтобы у нас с мужем было теплее в спальне.

— Они же не останутся без денег, — возразил Рейнар и принялся собирать крошки на краю своей тарелки. — Мож-

но заплатить за то, что сделано, и заранее оставить запас на случай нужды. Припасы переедут за пару ходок, а люди, если захотят, смогут работать у меня.

Я переспросила, куда пришлось бы уехать Дарьиной племяннице и кто зимой будет отвозить ей бельё от матери. Рейнар открыл рот, но ответа у него не нашлось, и я пояснила, что договорилась с мельничихой о заказе именно для нашего двора. Пока я объясняла, он перестал собирать крошки и разломил последнюю горбушку на две части, одну из которых придвинул ко мне.

— А ты сама чего хочешь? — спросил он уже тише. — Без Егорова жалованья, без мельничихи и без мешков, про которые я теперь буду слышать даже во сне. Может, тебе просто надоело каждое утро вспоминать, какие у тебя сегодня обязанности?

Мне и вправду иной раз хотелось лежать под одеялом, пока кто-нибудь другой принимал решения о бочках. Я сказала, что с радостью оставлю ему завтрашнюю возню с капустой, но зимовать предпочла бы на месте, где сама выбрала даже высоту крючка для передника. Рейнар спросил, был ли этот крючок важнее него, и я ответила, что крючок за всё лето ни разу не предложил мне собрать вещи.

Он вздохнул, взял кувшин и долил мне морса, хотя сам пил воду. Потом мы договорились узнать, сколько стоят окно, камин и осмотр кладовой, и вернуться к разговору со сметой в руках. Как только за ужином стало можно говорить

о чём-нибудь другом, я поймала Федьку у ворот и отправила к Тимофею с приглашением зайти поутру.

Рейнар помог мне убрать посуду, отнёс Дарье остатки жаркого и сам пошёл проверить, закрыли ли сарай. Я услышала его шаги над лестницей в старое крыло, но он там не остановился и вышел через заднее крыльцо. В кухне начинало холодать, и, прежде чем подложить дров, я долго стояла с поленом в руках, слушая, как во дворе защёлкнулся самый обычный новый замок.

Тимофей пришёл с отвесом, молотком и маленькой ложечкой, которой, как выяснилось, удобно было ковырять старый раствор. Я провела его сначала в гостевую, поскольку утром там обнаружились сразу две дохлые мухи, а ночью, по свидетельству Дарьи, у свечи всё время загибалось пламя. Плотник снял с подоконника цветочный горшок и попросил меня прижать снаружи один угол рамы, пока сам держал другой.

Мы нажали одновременно, створка подалась, а на улицу вылетел кусок старой замазки. Барон подошёл проверить, не уронили ли мы чего-нибудь съедобного, попробовал находку и с негодованием выплюнул. Тимофей сказал, что даже гусю стало ясно: замазку требовалось менять, а по нижнему краю раму придётся подклеить и подогнать.

— А чего он так основательно плюётся? — спросил Рейнар, войдя в комнату с ведром. — Я пробовал здешний раствор в прежние времена, когда к обеду особо нечего было

выбрать. Могу подтвердить, что держался он в зубах лучше, чем на многих здешних стенах.

Тимофей улыбнулся и попросил поставить ведро у камина, чтобы было куда складывать высыпавшийся мусор. Он присел на корточки, провёл ложечкой между кирпичами и вынул комок величиной с куриное яйцо. При следующем движении от шва осталась пустая бороздка, и мне стало ясно, почему в прошлом месяце я два раза выметала отсюда песок, хотя никто не топил.

— Снаружи поправимо, — сказал Тимофей, растирая комок пальцами. — Сколько брать за работу внутри, узнаю, когда сниму кусок облицовки и посмотрю, как там сложено. До тех пор камин лучше оставить в покое, а то тепло можете получить сразу по всему дому и с беготнёй.

Я попросила его назвать цену за раму, осмотр и самый простой ремонт наружной кладки. Он записал всё на обороте старого счёта, отдельно прикинул стоимость кирпича, а на мой вопрос о добавке провёл ещё одну черту. За стену он ручаться не хотел, поэтому я попросила сначала вскрыть только тот участок, который позволит увидеть, куда ушла трещина.

Мы спустились к кладовой, и Тимофей простучал косяк, посветил на ступени и заглянул, насколько хватало света. Он посоветовал оставить проход открытым днём, дать тяге высушить нижние камни и сперва проверить, не тянет ли сыростью из дальней части подвала. Рейнар всё это время стоял

с ведром у наружной двери, а когда мастер позвал его придержать лампу, тихо передал её мне.

К обеду мы вернулись в мою комнату и разложили цифры на столе. Я отложила плату за окно и осмотр из выручки за пироги и мятное варенье, да ещё прибавила несколько монет на случай, если обещанный кирпич вдруг станет дороже, пока его везут от печи до ворот. Тимофей пересчитал отложенное, вернул мне мелочь и пообещал подойти с инструментом, как только закончит заказ у соседа.

Рейнар дожидался меня у окна, глядя на дорогу, и спросил, во сколько обойдётся ремонт, если вскрытие принесёт дурные вести. Я показала ему листок и сказала, что стану решать по мере поступления дурных вестей, поскольку преждевременные обходились не дешевле. Он внимательно прочитал обе строки, после чего полюбопытствовал, какую цену я вообще сочла бы справедливой за всё имение.

— Смотря сколько стоит драконья шкура вместе с содержимым, — ответила я. — У неё прекрасный цвет и почти нет потёртостей, а прежний владелец утверждает, что в тепле она ведёт себя смирно. Правда, кормить содержимое придётся отдельно, тут покупатель должен понимать, на что идёт.

Рейнар тоже улыбнулся, но листок отдал мне не сразу. Он объяснил, что стоимость дома полезно знать хотя бы для сравнения с расходами, а мне вспомнилось, как недавно он помогал поднимать на крышу новый лист железа и хвастался, что теперь уж мы протянем здесь до ста лет. Я убрала

смету в ящик и ответила, что смогу назвать ему цену только за то, что собиралась продать, например за третью бочку капусты.

Муж кивнул и ушёл узнать у Егора, хватало ли сухих дров в кухне. К вечеру он занёс мне охапку поленьев, попросил оставить окно приоткрытым для свежего воздуха и ни разу не вернулся к цене. Я решила, что разговор был исчерпан, и несколько следующих дней думала главным образом о пшенице, открытой кладовой и том, как заставить Барона уважать цветочные горшки.

На третий день после визита Тимофея я вернулась с поля с охапкой колосьев, застрявших в подоле. Пшеницу уже начали жать, и к вечеру у амбара выросла такая славная копна, что Барон успел дважды на неё забраться и один раз покатиться вниз. Я несла ему в утешение сломанный стебель, когда у крыльца меня встретил Рейнар с письмом, сложенным вдвое и запечатанным тёмным воском.

— Тирион едет к нам, — сказал он и убрал письмо от гусиного клюва. — Мой старший брат давно хотел меня навестить и наконец собрался. Судя по пометке на обороте, он будет здесь завтра, если дорога не раскиснет.

Я стряхнула с подола колосок и посмотрела на мужа, ожидая, что он добавит что-нибудь про радость встречи. Он вместо этого стал расправлять край конверта, с которого уже отломился кусок печати. За всё время нашего брака о Тирионе мне удалось узнать, что он отлично играл в кости, не умел

проигрывать и считал две эти черты одним и тем же талантом.

— Завтра так завтра, — сказала я и поднялась на крыльцо. — Он едет один или с теми людьми, которые хлопают ему, когда он выигрывает в кости? Мне надо знать, сколько постелей готовить и сколько сухарей прятать от гуся.

Рейнар сказал, что с братом будут кучер и слуга, а хлопать, если понадобится, он сможет сам. Я попросила подержать колосья и развернула поданное письмо, пока муж объяснял, что Тирион не любил громких встреч. Это меня успокоило до тех пор, пока я не дошла до нижней половины страницы, где визит описывался с точностью, достойной доставки печного кирпича.

Старший брат подробно уточнял, сколько времени отсюда занимала дорога до столицы и выдерживал ли мост за поворотом тяжёлую карету. Дальше следовали вопросы о том, можно ли покормить и сменить лошадей и на каком расстоянии находилась ближайшая развилка. Я перечитала письмо от обращения до подписи и нигде не нашла даже простого вопроса о том, как Рейнару жилось в новом доме.

— Он всегда пишет так, будто собирается пересчитать дорожные столбы? — спросила я, возвращая письмо. — У меня от его заботы о колёсах даже сердце потеплело. За мост он переживает заметно сильнее, чем я за некоторые части собственного тела.

Рейнар засмеялся и объяснил, что Тирион однажды пол-

дня просидел в сломанной карете, после чего приучился узнавать о дороге всё заранее. Я могла в это поверить, поскольку сама после первой ночи здесь выясняла расположение сухих комнат с похвальной дотошностью. И всё-таки вопросы о столице показались мне странными для человека, который ехал увидеть брата, и я решила дождаться гостя, прежде чем спрашивать обо всём снова.

Мы пошли в гостевую проверить, чего там не хватало. Рама уже теряла меньше воздуха благодаря временной прокладке, но камин оставался пустым, и я принесла из бельевого шкафа ещё одно одеяло. Рейнар потянулся за вторым, затем за третьим, пока я не спросила, собирался ли его брат под ними спать или выводить на свет целый выводок драконов.

— Он любит, чтобы под коленями лежала маленькая подушка, — сказал муж, принимая у меня одеяло. — Я помню, потому что в детстве однажды подменил её грелкой и он три дня уверял, будто я хотел сварить ему задницу. Наверное, подушки у нас найдутся.

Подушка нашлась, а за ней Рейнару захотелось проверить, хорошо ли отмыли кувшин и есть ли запас свечей. Мы отнесли в кухню список к завтрашнему ужину, и Дарья вычеркнула половину предложенных блюд, поскольку ей ещё предстояло солить капусту. Муж возражать не стал, чем меня порадовал, зато на прощание попросил отложить для гостя бутылку покрепче.

К вечеру я вышла собрать забытые у весов корзины, и ветер уже переворачивал листья на грушах светлой стороной вверх. Рейнар чуть дальше проверял ворота и подвинул одну из запасных досок к крыльцу, словно прикидывал, что из неё могло пригодиться завтра. Я убрала последнюю корзину под крышу и успела заметить, как над столичной дорогой потемнело небо, прежде чем первая крупная капля угодила мне за ворот.

Глава 2

К полудню дождь унялся, и я решила, что самое противное в этот день уже случилось. Я как раз выливала из забытого под грушей башмака воду, когда за воротами застучали колёса. Барон выскочил из-под крыльца так быстро, словно ждал всю ночь именно человека, которому ещё не успел испортить первое впечатление о нашем доме.

Карета миновала ворота, провалилась одним колесом в колею и остановилась с таким вздохом, будто проделала весь путь сама, без лошадей. Кучер спрыгнул и опустил подножку, а слуга распахнул дверцу ровно настолько, чтобы оттуда показался белый рукав. Я подошла поближе и увидела сидевшего внутри мужчину, который смотрел на наш двор с тем же выражением, с каким я утром заглядывала в мокрый башмак.

— Поставьте трап, — сказал он кучеру. — Здесь воды до щиколотки, а под водой, ручаюсь, ещё два вершка грязи. Мне это уже однажды объяснял сапожник, когда я принёс ему на починку сапоги вместе с половиной дороги.

Я поздоровалась и назвала себя, после чего Тирион соизволил оторвать взгляд от лужи. В лице его было кое-что от Рейнара, особенно когда он улыбнулся, но муж щурился на солнце, а его брат, похоже, и в темноте умел оглядеть тебя с головы до ног. Тирион приложил руку к груди и сказал, что

давно хотел познакомиться с женщиной, которая заставила его брата променять просторный дом на такое уединение.

— Для уединения у нас сегодня людно, — ответила я, потому что из сарая уже выглядывал Егор, а Нюра застряла на крыльце с половиком. — Могу предложить доску и рабочие сапоги, правда, оба уже видели грязь, а доска даже знает, как из неё выбраться. Прикажете принести всё сразу или сначала хотите познакомиться с сапогами по отдельности?

Тирион поблагодарил меня за заботу и подоткнул под колено край плаща. Сапоги у него были из мягкой чёрной кожи, с серебряной пряжкой и каблуком, которым удобно было давить на людей в сухих помещениях. После короткого раздумья он сообщил, что предпочёл бы сойти в своих.

Рейнар вышел из-за угла с доской, которую вчера предусмотрительно оставил у крыльца, и положил её между подножкой и первой сухой кочкой. Тирион наклонился, посмотрел вдоль дорожки и спросил, что ему делать после первого шага. Муж молча развернулся за второй доской, а я поняла, что в детстве Тирион наверняка просил его подержать горшок, пока сам выбирал, какой стороной сесть.

— Рейнар, у нас осталось четыре доски на полки, — напомнила я, когда он в третий раз прошёл мимо. — Очень прошу остановиться у крыльца, даже если брату захочется таким способом проехать до столицы. Там наверняка найдутся люди со своими запасами дерева.

Муж ответил, что двух последних хватит, и подложил под

край доски короткий чурбачок, чтобы она не качалась. Из кареты тем временем выгрузили дорожный сундук, и слуга с ним без единой жалобы прошёл прямо через лужу. Тирион проследил за ним взглядом и только тогда подался вперёд, словно до этой минуты хотел убедиться, что грязь в самом деле брала с человека одну только обувь.

Барон опередил его на целую доску и прошёл по ней с достоинством человека, которому наконец соорудили подобающий вход. У подножки он развернулся, увидел сапог и спрыгнул в лужу, хорошенько оттолкнувшись обеими лапами. Брызги веером легли на чёрную кожу и нижний край плаща, а Тирион, уже перенёсший вес на подножку, вынужден был спуститься вслед за гусём.

— Вот и познакомились, — сказала я, предлагая гостю тряпку. — Это Барон, управляет двором без жалованья и берёт всё, что плохо лежит. Сапоги у него свои, оттого к чужим он относится с некоторым презрением.

Тирион промокнул щиколотку и спросил, не слишком ли вольно мы воспитывали домашнюю птицу. Рейнар ответил, что птица досталась нам взрослой, а потом хлопнул брата по плечу так искренне, что тот всё-таки засмеялся. Я оставила вопрос о воспитании открытым и предложила идти к дому, пока Барон не вздумал повторить для гостя всю церемонию с начала.

У крыльца я показала Тириону, где можно было оставить плащ, но он задержался у дорожки к хлебному сараю. Ему,

по его словам, хотелось размять ноги после кареты, и эти самые ноги сразу понесли его к окну, из которого ворохом торчали сухие стебли. Я пошла следом, потому что в окно было видно наши мешки, а я ещё не знала, зачем человеку после дороги так срочно понадобилось смотреть на чужое зерно.

— Хорошо стоит, на возвышении, — заметил он, заслонив стекло ладонями от света. — У дальней стены тоже храните хлеб или там проход для телег? Судя по дороге, пустой воз сюда поднять можно, а вот полный после дождя надо будет пускать в объезд.

Он угадал про объезд, и я показала ему верхнюю колею, которой мы пользовались со времён прошлого ливня. Тирион кивнул и спросил, принадлежала ли мне и та полоса, что уходила за дальний межевой камень. Я ответила, что за камнем начинался соседский луг, а наша пшеница кончалась ровно там, где Егор переставал ругаться на кротов.

Тирион прищурился, будто проверял, насколько кроты соответствовали местным межевым обычаям. Потом он спросил, нельзя ли проехать этой дорогой прямо к столичному тракту, минуя деревню и тесный мост. Я сказала, что через деревню путь немного длиннее, зато у кузницы можно поправить колесо, а в случае нужды там же одолжат и штаны.

— Штаны у вас тоже входят в дорожное снабжение? — осведомился он, впервые взглянув на меня с живым любопытством. — А то я видел, как ваш человек бежал за телегой

в таких широких, что в них можно было довезти до города двух зайцев. Или это и был ваш запасной способ доставки?

Я объяснила, что Савва держал у печи всё, что можно было выменять у соседей, и однажды Егор вернулся от него в штанах человека вдвое шире. Из уважения к кузнецу он стянул их ремнём, а из уважения к себе больше не стал ловить лошадь с распоротым задом. Тирион негромко хмыкнул, потом всё-таки повернулся к дому и заметил, что отсюда ему было бы куда удобнее ездить в столицу.

— Вам? — переспросила я, потому что услышала это отчётливо. — Я думала, вы объезжали наши края по дороге к брату. Или у вас назначено столько встреч, что придётся кататься туда прямо от нас?

Он ответил, что иногда бывал в столице дважды за неделю и поневоле прикидывал дорогу из всякого места, куда попадал. Объяснение звучало почти как то, что вчера дал Рейнар, и мне стало любопытно, сколько ещё раз я его услышу. Тем временем муж принёс с крыльца плащ, отряхнул его и позвал Тириона посмотреть комнату, пока вода в умывальном кувшине не остыла.

Гостевая была внизу и выходила в сад, где после дождя потемнели стволы яблонь. На кровати лежали сухое бельё и два одеяла, а на подоконнике вместо цветочного горшка стояла чашка, в которую с рамы изредка капала вода. Тирион осмотрел чашку, потёр пальцем край рамы и спросил, не найдётся ли места повыше.

— Наверху стоят запасы, — ответила я, раскрывая дверь шире, чтобы слуга мог внести сундук. — Если вам хочется спать на втором этаже, могу предложить толстый слой мяты и два мешка лука вместо перины. Здесь постель сухая, и я лично проверяла, что от неё утром можно отойти без слёз.

Тирион присел на край кровати, пощупал матрас и сказал, что в дороге у него затекла спина. Рейнар тотчас пообещал принести ещё две подушки, одну под колени, другую под поясницу, и я отступила с дороги, чтобы он мог немедленно отправиться за обеими. Тирион проводил его взглядом и спросил меня, всегда ли брат так быстро откликался на просьбы.

— Когда слышит их, — сказала я, поправляя завязку на пологе. — Иногда надо повторить, особенно если просишь отнести со стола пустое блюдо. Зато слово «жаркое» он различает через две стены и запертую дверь.

Тирион впервые улыбнулся мне так, что сходство с Рейнаром стало даже немного досадным. Он согласился отдохнуть до ужина и попросил поставить чашку с подоконника поближе к раме, чтобы капли не били по дереву. Я передвинула её и пошла предупредить Дарью, что гость явится к столу отдохнувшим, а мой муж, если вовремя вернётся из бельевой, возможно, успеет тоже сесть.

К ужину Дарья успела приготовить жаркое, стручковую фасоль и пирог с луком, хотя весь день уверяла, что на гостя времени у неё вышло не больше, чем на собственную косу. Рейнар действительно явился к столу позже всех, зато при-

нёс ту самую бутылку, которую вчера просил отложить. Тирион посмотрел на её печать, потом на младшего брата, и я впервые за день увидела на его лице неподдельное удовольствие.

— Неужели уцелела одна из тех, что ты прятал от меня в старой коптильне? — спросил он и придвинул бокал. — Я ведь в конце концов нашёл твою заначку, только там уже мышь свила гнездо и вырастила семью. Почтенная была мышь, отдавала предпочтение выдержанному.

Рейнар сказал, что мышь, по крайней мере, не трогала пробки, и разлил вино. Мне досталась ровно та мера, какую я любила за ужином, а Тирион покрутил свой бокал между пальцами и посмотрел на просвет. Он произнёс, что вино хорошее и жаль пить его по глотку, словно лекарство после дурного обеда.

Рейнар потянулся долить ему раньше, чем я успела отложить вилку. Тирион только подвинул бокал к краю, совершенно уверенный, что остальное произойдёт само собой. Я посмотрела, куда девалась рука его слуги, и обнаружила, что слуга спокойно ел вместе с кучером на кухне, поскольку Рейнар сам распорядился отпустить обоих до утра.

Дарья внесла горячее и положила гостю кусок с хрустящей корочкой, который я обычно оставляла себе. Тирион отрезал от него тонкий ломтик, прожевал и спросил, где у нас соль. Дарья показала на солонку у локтя Рейнара, но он уже поднялся и пошёл за другой, помельче, словно от величины

крупинки зависели отношения между двумя ветвями драконьего рода.

— Я мясо солила, пока жарила, — сказала Дарья и поставила кувшин на стол. — Каждый потом досаливает по своему вкусу, так у нас целая миска ещё никому не пропала. Если вам корочка не по нраву, отдайте Марте, она уже два раза на неё посмотрела.

Я собиралась сказать, что Дарья не обязана объяснять взрослому человеку, каким концом руки брать солонку, но она стояла прямо рядом с ним и прекрасно справлялась сама. Тирион посмотрел на мою тарелку, срезал корочку и передал её мне на чистом блюдце. Я приняла дар без ложной скромности и даже подвинула к нему подливу, чтобы мы могли начать дипломатические отношения с чего-нибудь съедобного.

— Так гораздо лучше, — объявил Тирион, когда добавил щепоть мелкой соли. — Мне казалось, Рейнар любил, когда на кухне щедрая рука. В детстве он мог досолить даже кусок сала, если успевал унести его раньше, чем заметит повариха.

Я сказала, что в детстве ему, вероятно, приходилось солить второпях и последствия никто толком не обсуждал. Теперь же один из нас готовил, другой ел, и этого простого устройства Дарья придерживалась даже тогда, когда в амбаре лежал целый голодный дракон. Дарья вышла, оставив солонку у гостя, а Рейнар вернулся на место и обнаружил, что успел остудить собственное жаркое.

— Следующую порцию наливайте себе сами, Тирион, —

предложила я, придвигая к нему бутылку. — Руку держите спокойно и берите сколько душа просит, у нас полный до краёв бокал легче удержать, чем полные штаны. Рейнар, перестань делать такое лицо, я говорю о шве на твоих прошлогодних брюках.

Муж кашлянул в салфетку и заявил, что с тем швом давно покончено и остались только воспоминания. Тирион поднял бутылку, налил себе почти до края и попытался поднести бокал ко рту, не приподнимая локтя. Вино всё-таки качнулось и оставило на скатерти каплю величиной с медяк, после чего он разом выпил лишнее и с достоинством вытер каплю рукавом.

— В следующий раз подставьте тарелку, — посоветовала я, протягивая ему салфетку. — А то к утру всё, что вам здесь не нравится, придётся записывать на свой счёт. Начнёте со скатерти, а там, глядишь, и до сквозняка доберётесь.

Тирион взял салфетку, тщательно осмотрел пятно и сказал, что сквозняк в его комнате действительно был. Я думала, он на том и остановится, но гость дождался, когда Дарья заберёт жаркое, и положил ладони по обе стороны от бокала. По тому, как он повернулся ко мне всем корпусом, я поняла, что вино наконец было отмерено и теперь он собирался отмерить что-то ещё.

Начал Тирион с окна, которое в гостевой даже с временной прокладкой пропускало воздух у нижнего угла. Тут он был прав, и я признала это, пока Рейнар разламывал пирог

на три части, стараясь, чтобы никому не досталось обидно мало лука. Потом Тирион перешёл к камину и заявил, что до морозов его следовало переложить целиком, от первых кирпичей до самой трубы.

— А вы уже и на трубу забрались? — спросила я, принимая тарелку. — Вот уж чего от тебя не ожидала после знакомства с лужей. Надеюсь, Рейнар успел выстелить досками путь от окна до конька?

Тирион ответил, что на крыше не был, зато отлично знал, как дорого обходились зимние сюрпризы. У него в одном доме камин чадил после каждой оттепели, и предыдущий хозяин умудрился заделать следы дыма сразу под тремя слоями краски. Когда трубу наконец разобрали, на землю свалилось воронье гнездо, а следом мастер предъявил счёт, на который можно было содержать всю воронью родню.

Я поверила этой истории легче, чем его уверенности насчёт нашей трубы. Перед тем как звать Тимофея, я сама видела выпавший раствор, но между пустым швом и полной перекладкой у меня пока помещалась целая лестница вопросов. Тирион же перескочил её одним махом и принялся загибать пальцы, считая, сколько кирпича ушло бы у него на каждый из предполагаемых изъянов.

— Окно заберёт меньше, — продолжал он, загнув последний палец. — Зато хорошего печника осенью днём с огнём не сыщешь, хоть у вас в семье с огнём и легче, чем у прочих. Я бы и подъезд подсыпал щебнем, иначе через месяц обозы

с припасами будут возить вам одну грязь.

Я ответила, что обоз с припасами мы как раз собирались сами отправить, когда решим вопрос с хранением. Тирион вскинул брови, словно до этой минуты предполагал, что все телеги ездили исключительно в сторону его кладовой. Он спросил, много ли приносили такие отправки, и вдруг начал слушать внимательно, без той рассеянности, с какой только что принимал жалобу на собственный сквозняк.

— Отправлю первые мешки, тогда и узнаю, сколько они принесли, — сказала я и убрала локоть с края стола, чтобы Рейнар мог поставить чайник. — Для начала надо понять, что возьмёт мельничиха и сколько будет стоить дорога. Пока у меня есть урожай и покупатель, а деньги ещё ехать не начали.

Тирион постучал пальцем по ножке бокала и предложил сперва вычесть из будущих денег все расходы на дом. Он говорил о раме и дымоходе уверенно, словно уже успел переговорить с нашим мастером. Я хотела узнать, откуда такая осведомлённость, но тут он потянулся к чайнику, увидел выбитый у носика кусочек глазури и предположил, что даже посуду нам следовало заменить до весны.

— Этот носик уже третий год льёт чай прямо в чашку, — заметила я, наливая ему. — В крайнем случае нам понадобится ещё одна чашка, чтобы ловить то, что он прольёт из уважения к весне. А за печь я сейчас готова платить только после того, как мастер посмотрит, что у неё под рубахой.

Рейнар улыбнулся, но брат поставил чашку и спросил, почему при таком подходе мы вообще привели дом в порядок. Я ответила, что именно потому и привели, что ни разу не пришлось платить за кладку, к которой мастер ещё не притронулся. Тирион взял кусок пирога, доел его молча и попросил завтра показать, как у нас обстояло с работниками и расходами на двор.

Я сказала, что утром будем заняты капустой и что о времени для обхода лучше поговорить за завтраком. Тирион принял это с неожиданной лёгкостью, пожелал нам доброй ночи и поднялся, прихватив со стола ту самую мелкую солонку. Дарья встретила его у двери и молча протянула ладонь, после чего он вернул ей добычу с видом человека, которого поймали на краже фамильного серебра.

Тирион попросил Рейнара открыть ему дверь в коридор, потому что там потушили лампу. Муж подхватил свечу, на ходу сказал, что с печью всё равно торопиться незачем, ведь предварительную смету он брату уже показал, и пропустил его вперёд. Я услышала, как за дверью ещё немного посмеялись над солонкой, а сама смотрела на чашку и припоминала, сколько раз за вечер Тирион говорил о том, во что мне обойдётся мой собственный дом.

Рейнар вернулся через несколько минут, поставил свечу на стол и взял ещё кусок пирога. Я дождалась, пока он откусит и прожуёт, поскольку знала, как удобно можно сослаться на полный рот, когда совсем нечего сказать. Потом подвину-

ла к нему чай и спросила, зачем Тириону понадобилась наша смета.

— Я показал её, пока ты помогала Дарье на кухне, — ответил муж, так пристально глядя на пирог, словно пытался сосчитать луковые кольца. — У Тириона опыта больше, он покупал дома и перестраивал их под себя. Я решил, что он скажет, взял Тимофей за работу много или мало.

Я напомнила, что Тимофей пока вообще ничего не взял, а деньги на окно и камин лежали в ящике. Рейнар сказал, что тем лучше, поскольку посоветоваться разумнее до оплаты. Он сделал глоток чая и взглянул на меня с ожиданием, будто на этом дело вполне можно было считать оконченным.

— За столом он ни слова не сказал о расценках Тимофея, — заметила я и сложила салфетку пятном внутрь. — Зато узнал, где проходит граница поля и сколько раз в неделю удобно ездить в столицу. Ещё немного, и мы с ним до завтрака обсудим, сколько весит Дарья и идёт ли её вес в расход по кухне.

Муж коротко засмеялся и тут же посерьёзнел, когда я так и не улыбнулась. Он сказал, что Тирион осматривал любой дом с привычкой человека, которому вечно хотелось что-нибудь перестроить, и что ему с детства достаточно было дать табурет, чтобы он добрался до потолка. Я спросила, в чьих домах это обычно происходило, и Рейнар, помедлив, ответил, что в тех, которые брат уже купил или собирался купить.

За окном зашуршала вода, стекавшая с ветки на подокон-

ник, и мне захотелось, чтобы Рейнар сам договорил то, к чему мы подошли. Он вместо этого стал уверять меня, что Тирион искренне хотел увидеться, и напомнил, как брат обрадовался бутылке. С этим я спорить не стала, вино в семье у них явно могло вызвать прилив чувств, просто я не знала, почему для этого требовалось заглядывать в сарай.

— Ты и про старое крыло ему рассказал? — спросила я. — Если ему захочется утром посмотреть, где у нас ещё водятся пустые комнаты, лучше скажи сейчас. Я собиралась послать Егора за сухими досками и могу попросить его вынести оттуда ящик.

Рейнар ответил, что подвал с братом не обсуждал. Он сказал это сразу, без прежних раздумий, и я ему поверила, потому что его ладонь легла на стол с таким усилием, что звякнула ложка. Мне вспомнился тот же звук у нижней двери, где железо царапнуло камень и муж вдруг отступил от меня в сумрак.

— Хорошо, — сказала я и подождала, пока он разожмёт пальцы. — Только больше не вынимай мои бумаги из ящика, когда меня нет рядом. Если понадобится действительно хороший совет, я с удовольствием сама дам человеку смету, карандаш и возможность сначала осмотреть печь.

Рейнар кивнул и попросил не сердиться на него за то, что при брате он так суетился. Оказывается, в детстве Тирион первым проверял, хорошо ли он выучил порученное, поэтому Рейнар до сих пор спешил закончить работу раньше,

чем тот успевал выразить сомнение. Я погладила мужа по запястью и сказала, что с кухонными поручениями он давно справлялся отлично, особенно когда не пытался в одиночку обслужить родню до седьмого колена.

Он улыбнулся, собрал пустые чашки и отнёс на кухню, а я пошла следом помочь Дарье убрать остатки пирога. Она стояла у печи и перебирала крупу на завтра, откладывая попадавшиеся камушки в блюдце. При виде нас Дарья спросила, не передумал ли кто-нибудь насчёт завтрака, поскольку она за вечер выслушала уже три совета о том, как содержать кухню, и четвёртый могла принять только вместе с поваром.

— Завтра будет как обычно, — ответила я и подала ей банку для крупы. — Каша, хлеб, масло, а кто захочет соли, достанет её собственной рукой. Я хочу посмотреть, как наш гость ведёт себя в доме, когда ему перестают устраивать приём по случаю его драгоценного приезда.

Дарья засыпала крупу, закрыла банку и со спокойным удовольствием сообщила, что я попала как раз вовремя, потому что масла хватало только на одну маслёнку. Рейнар вызвался поставить хлеб на стол с утра, и я согласилась, попросив сделать это после того, как он сам выспится. Из сада как раз донеслось, как петух во сне сдавленно кудахтнул, и я решила, что хотя бы одному мужчине в этом доме завтра достанет ума заговорить первым.

Глава 3

Первый крик я простила петуху, потому что он был у нас на службе и другого жалованья, кроме возможности будить людей, не получал. Второй принадлежал Тириону, и вот ему за ночлег никто не обещал права голоса до рассвета. Я открыла глаза, обнаружила, что Рейнар спал, накрывшись подушкой, и с досадой поняла, что из всей семьи заранее подготовился только он.

— Уберите его от окна! — потребовал Тирион снизу. — Он ходит взад и вперёд и начинает сначала, едва я ложусь. Птица вполне может заниматься этим на другом конце сада.

Я сунула ноги в башмаки и надела халат, пока Рейнар приподнимал край подушки. Он спросил, действительно ли брат уже встал или просто лежал и давал распоряжения, как в детстве. Я ответила, что сейчас выясню, а если распоряжения будут особенно полезными, разбужу и его, чтобы никто в семье ничего не упустил.

Внизу у гостевой стоял Егор с пустым ведром, а Тирион выглядывал из двери в длинной белой рубахе и одном чулке. Оставшуюся ногу он держал на коврике и отказывался ступить на прохладные доски. На мой взгляд, человек, который вчера требовал перекладывать камин целиком, мог бы для начала переложить одну собственную ступню.

— Я его уже выпустил кормиться, — объяснил Егор, гля-

дя на меня и стараясь не глядеть на голую ногу. — Пока со двора зерно не склюёт, в курятник сам не пойдёт. А насест в такую рань перенести некому, мы сегодня ещё и капусту начинаем рубить.

Тирион спросил, отчего зерно нельзя было высыпать подальше от дома. Егор ответил, что высыпал у курятника, но петух быстро выяснил, где после вчерашнего ливня из земли вылезли черви. Я выглянула в сад и увидела, как рыжий начальник кур перебирал лапами у яблони, время от времени поднимая голову, чтобы объявить о своих успехах.

— У вас сохранилась вата в дорожной аптечке? — спросила я Тириона. — У меня есть чистая, могу поделиться, если хотите ещё поспать. А петуху затыкать нечего, он тут единственный мужчина, который за последнее время ни разу не передумал, зачем встал с утра.

Тирион поблагодарил меня с видом человека, которому предложили за собственный счёт вылечить ущерб, причинённый соседями. Вату он всё же взял и вернулся к окну, чтобы установить, имело ли смысл тратить её сразу. Я осталась в дверях, потому что створка ещё с вечера держалась на временной прокладке и мне не понравилось, с какой решимостью гость взялся за ручку.

Петух обошёл яблоню, на секунду пропал и появился уже совсем близко к стене. Тирион дождался, пока тот вытянет шею, и захлопнул окно так, что в кувшине на умывальном столике плеснула вода. Птица благополучно закончила свою

мысль, а нижний угол рамы отошёл от косяка и оставил щель шириной с мой палец.

Я подошла, подобрала выпавший войлок и попросила Егора передать Тимофею, что к раме теперь надо подойти пораньше. Тирион сказал, что исправная створка выдержала бы и более решительное обращение. Я согласилась и заметила, что исправная дверь тоже кое-что выдерживала, однако никому в нашем доме пока не приходило в голову проверять это собственной задницей.

Егор поднёс ладонь к щели и сказал, что теперь с кровати можно было бы ловить рыбу, если сад затопит до подоконника. Я велела ему оставить рыбу на потом и поискать короткую подпорку. Тирион рассеянно приложил к уху комочек ваты, после чего нам пришлось дважды попросить его дать дорогу.

Тирион машинально отступил с прохода, чем сразу облегчил нам жизнь. Егор подложил под створку сложенный войлок, я прижала раму, а гость наконец надел второй чулок и осведомился, когда подавали завтрак. Из кухни уже пахло кашей, и я сказала, что после такого количества распоряжений вставать заново было бы расточительством.

Пока Тирион переодевался, я сбегала наверх привести себя в порядок. Рейнар успел встать и теперь пытался застегнуть рубаху, начав со второй петли, отчего полы свисали одна длиннее другой. Я расстегнула ему ворот и сообщила, что брат уже совершенно проснулся, окно тоже, а обычный до-

машний завтрак начинался заметно раньше, чем мы оба рассчитывали.

Внизу Рейнар выполнил обещанное и принёс на стол хлеб, а Дарья поставила между нами одну маслёнку. Тирион посмотрел на кашу, передвинул масло к середине и попросил передать соль, на этот раз без замечаний насчёт размера крупинок. Пока я мазала хлеб, он спросил, в котором часу у нас обычно начинались дела и не принято ли обсуждать их до еды.

— Конечно, принято, — ответила я, накладывая себе кашу. — Вчера вы начали с трубы, сегодня можно взяться за отхожее место, чтобы аппетит проснулся сразу весь. Только подождите, пока я положу масло, а то на пустой хлеб даже самое деловое предложение плохо ложится.

Тирион выдержал паузу, в течение которой я успела намазать кусок и мысленно порадоваться своей предусмотрительности. Потом придвинул блюдце, достал из внутреннего кармана сложенный лист и сказал, что хотел бы приобрести дом вместе с полями и хозяйственными постройками. Голос у него был ровный, словно он заказывал у Дарьи ещё порцию, а я имела обыкновение продавать соседям по усадьбе к утренней каше.

Рейнар перестал жевать. Он всегда в такие минуты очень старательно смотрел куда-нибудь в сторону, но выбрал маслёнку и не спускал с неё глаз, даже когда я потянулась за листом. Тирион развернул бумагу сам, положил передо мной и

указал на сумму, выведенную такими крупными цифрами, будто меньшие могли показаться оскорблением.

Я дважды прочла сумму, потом перевела взгляд на окно столовой, где утром свет падал на отмытые мной подоконники. За эти деньги я могла бы купить приличный дом и прожить несколько лет, не думая, сколько нынче стоил новый кирпич. Это была хорошая сумма, и мне даже стало досадно, что Тирион избавил меня от удовольствия сразу назвать её смешной.

— От какой двери вы начали считать? — спросила я, возвращая лист на середину стола. — Вчера весь дом едва держался, а теперь вы за него предлагаете деньги, которых хватило бы ещё и на новый сарай. Или разошедшаяся рама с утра подняла цену?

Тирион улыбнулся и сказал, что раму можно было починить, а близость столицы пристроить к другому имению было бы значительно труднее. Он упомянул урожай, сухой хлебный сарай и готовность взять на себя расходы по камину. Ни слова о том, что за всё лето я уже успела наладить продажи, он пока не сказал, зато внизу листа оставил приписку о действующем хозяйстве.

— Я подумаю, — сказала я, и Рейнар наконец вспомнил, что у него во рту был хлеб. — С завтрашнего утра дайте мне три дня. За это время я проверю расходы и доходы, а вам разрешу познакомиться с хозяйством, чтобы потом мы оба понимали, о чём говорим.

Тирион чуть наклонил голову и предложил при необходимости прислать своего писаря, чтобы не тратить мои три дня на переписывание счетов. Я сказала, что давно обхожусь без писаря и даже научилась разбирать собственный почерк после тряски в телеге. Гость убрал руку с бумаги, будто только теперь заметил, что до сих пор держал её так, чтобы мне было удобно поставить подпись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.